

На правах рукописи

Степанова Василина Андреевна

**Дуализм как формула мировоззрения В. Распутина:
художественная система выражения**

Специальность 10.01.01. – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2017

Диссертация выполнена на кафедре мировой литературы и методики ее преподавания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева»

Научный руководитель: Ковтун Наталья Вадимовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева»

Официальные оппоненты:

Богданова Ольга Владимировна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института филологических исследований Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Плеханова Ирина Иннокентьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры новейшей русской литературы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук

Защита состоится «___» _____ 2017 г. в ____, на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д212.199.32, созданного на базе Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, по адресу: 199053, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 52, ауд. 48. С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 5) и на сайте университета по адресу: http://dissler.herzen.spb.ru/Preview/Karta/karta_XXXXXXX.html

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

Ефремов Валерий Анатольевич

Общая характеристика работы

Творчество В. Распутина – одного из признанных лидеров современного традиционализма, вызывает неизменный исследовательский интерес. Подходы к анализу его прозы достаточно разнородны и противоречивы, что свидетельствует о необходимости осмыслить произведения автора, учитывая весь спектр наблюдений. Обзор исследовательских подходов демонстрирует тенденцию к выявлению художественной доминанты творчества писателя, которая, в свою очередь, также является дискуссионной. Направления исследований – мифопоэтика (архетипическое мышление), нравственный императив (дидактическое мышление), метафизика (мистика) отражают разные системы мышления, однако анализ прозы В. Распутина может быть успешен при сочетании этих направлений, поскольку в органике мировоззрения писателя переплетаются антиномичные тенденции.

Разнородность подходов является следствием внешней противоречивости мировоззрения и образного мышления самого художника: языческая мифопоэтика и христианская религиозность, учительство и тонкий психологизм. Пересечение противоположных мировоззренческих позиций образует смысловые узлы (например, самоубийство Настёны в повести «Живи и помни», затопление острова Матёра в произведении «Прощание с Матёрой», похороны Аксиньи Егоровны вне пределов кладбища в рассказе «В ту же землю»), толкование которых предельно противоречиво.

Основным принципом конструирования художественного мировоззрения писателя является особая форма синтеза антиномий – дуализм.

Актуальность диссертационного исследования заключается в осмыслении эволюции литературного творчества В. Распутина как одного из ключевых представителей «деревенской прозы», что позволяет выявить трансформацию принципиально значимых для национальной картины мира семантических пар. Поздняя проза писателя приходится на переломную эпоху, которая характеризуется сменой культурной парадигмы, традиционно провоцирующей поиск срединного звена, способного снять противоречие бинарных оппозиций. Анализ дуализма на материале прозы В. Распутина открывает новые возможности для исследования традиционализма в целом.

Новизна работы обусловлена своеобразием подхода к анализу творчества В. Распутина: описание этапов развития художественной мысли писателя через призму дуализма, выявление смещения акцентов в повторяющихся мотивах.

Цель диссертации – комплексный анализ проявлений дуализма в художественной прозе писателя.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- 1) дать рабочее определение понятию «дуализм»;
- 2) раскрыть дуализм как систему мышления В. Распутина в аспекте миропонимания и сюжетостроения;
- 3) раскрыть соотношение и функции таких понятий, как «бинарные оппозиции» – «антиномия» – «дуализм»;

- 4) рассмотреть приоритетность антиномичного или дуального мышления в разные периоды творчества мастера;
- 5) выявить повторяющиеся мотивы прозы писателя;
- 6) проследить влияние реализации дуализма на развитие художественной системы В. Распутина.

В соответствии с целью и задачами в работе используются следующие **методы**: методы мотивного и мифопоэтического анализа, структурно-типологический метод, описательный и сравнительный методы.

Методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых:

– в области осмысления дуализма культуры – работы Ю. Лотмана, Б. Успенского, И. Смирнова, В. Библиера, А. Пелипенко, М. Сток, М. Эпштейна, Sch. N. Eisenstadt, Е. Шапинской;

– в области анализа развития литературного процесса в целом и традиционализма в частности – М. Гаспарова, М. Черняк, Н. Ивановой, М. Берга, В. Шкловского, Ю. Тынянова, П. Бурдьё, Н. Лейдермана, К. Партэ, А. Разуваловой, О. Богдановой;

– в области исследования традиционалистской прозы – К. Партэ, И. Плехановой, Т. Рыбальченко, Н. Ковтун, Е. Галимовой.

Теоретическая значимость работы определяется системным подходом к исследованию творчества В. Распутина как художественно-философского и мифопоэтического феномена через призму дуализма, взятого в единстве его мировоззренческой и эстетической сторон. Выявлены наиболее репрезентативные бинарные оппозиции, которые формируют и позволяют существенно прояснить эволюционную динамику художественного мира писателя.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в курсах «Введение в литературоведение», «Теория литературы», «История русской литературы XX века», «Культурология», спецкурсах, посвященных традиционалистской прозе, «сибирскому тексту», мифопоэтическому анализу, а также при комментировании изданий текстов В. Распутина и писателей-«деревенщиков» в целом.

Положения, выносимые на защиту:

1. Дуализм определяется как способ сопряжения поляризованных величин, который может преобразовываться как в синтез, так и в антиномию.
2. Дуалистичная модель развития культуры (дуализм – рефлексия – новый синкретизм) применима для анализа художественной картины мира писателя, эволюции его мировоззренческих установок.
3. Приоритетность антиномичного или дуального мышления в разные периоды творчества отображает развитие художественного мира автора, акцентирует установки, наиболее значимые на данном этапе.
4. Дуализм установок фиксирует стремление к вбирающему всеединству (синтезу). Тем не менее, в художественной прозе представлено

как тяготение к преобразованию антиномии в синтез, так и резкое противопоставление (пространственное).

Апробация основных результатов исследования осуществлялась в виде докладов на всероссийских и международных научных конференциях: Международный научный семинар «Кризис литературоцентризма: утрата идентичности vs. новые возможности» (Красноярск, 05.11. – 07.11.2013), X Юбилейная Всероссийская научно-техническая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященная 80-летию образования Красноярского края (Красноярск, 15.04.2014 – 25.04.2014), Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодёжь и наука: проспект Свободный» (Красноярск, Сибирский федеральный университет, 15.04.2015 – 25.04.2015), XXII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ, 13.04. – 17.04.2015), «Сюжетология / сюжетография – 2» (Новосибирск, ИФЛ СО РАН, 19.05. – 21.05.2015), Международный научный семинар «Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия» (Красноярск, 16.11. – 19.11.2015), Всероссийская научная конференция «Сюжетология / сюжетография – 3» (Новосибирск, ИФЛ СО РАН, 16.05. – 20.05.2016), I Международный «Сибирский филологический форум» (Красноярск, 24.11. – 28.11.2016).

Основные положения исследования отражены в 20 научных публикациях, из них – 5 статей в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК РФ, 3 раздела в коллективных монографиях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Список литературы насчитывает 249 наименований. Общий объем диссертации – 245 страниц.

Основное содержание диссертации

Во **введении** обосновывается актуальность темы, ее научная новизна, определяются цель и задачи работы, дается обзор научной литературы, выделяются основные аспекты исследования.

Первая глава – «**Дуализм как механизм развития культуры**» – посвящена осмыслению понятия «дуализм» и выявлению закономерностей развития культуры, литературного процесса или творчества отдельного писателя.

Параграф 1.1. «**История термина, философские предпосылки**» представляет исторический обзор зарождения и формирования понятия. Этапы осмысления мира через дуальные концепции сменяются попытками их преодоления. В эпоху Нового времени возникает концепция Р. Декарта о двух качественно различных и несводимых друг к другу субстанциях – протяженной (*res extensa*) и мыслящей (*res cogitans*). Материальная субстанция обладает характеристиками телесности и протяженности, мыслящая – являет собой дух и сознание. Г. Гегель формулирует триаду «тезис – антитезис – синтез», которая предполагает снятие оппозиции и обретение нового знания.

Именно концепция Гегеля лежит в основе современного понимания дуализма как основы развития культуры.

Задача параграфа 1.2. «**Дуалистические концепции XX – XXI вв.**» – обозначить тенденции осмысления дуализма в современной науке. Философы XX в. находятся в диалоге с дуалистическими концепциями эпохи Нового времени, оспаривая или развивая их. Значимо, что в XX в. обоснование теории дуализма во многом опирается на достижения точных и естественных наук. Принцип дополнительности Н. Бора постулирует двойственность как фундаментальную характеристику мира, когда достоверность знания обеспечивается не разрешением рационального противоречия (как в формальной логике), а осознанием их взаимонеобходимости. Принцип дополнительности предполагает два набора взаимоисключающих признаков, расширяющие новое образование (синтез). Открытие Н. Бора повлияло на развитие дуалистических концепций в философии и культурологии XX в.

Всплеск интереса к бинарному устройству мира, затронувший как точные, так и гуманитарные науки, в XX в. был спровоцирован кризисом европейской академической философии, что побудило интерес к рефлексивной философии диалога. Антропологический поворот начала прошлого столетия актуализировал интерес к дуальности как воплощению диалога «Я» и «Другого», проявившегося в лингвистике, литературоведении, психоанализе, философии, социологии и т.д.

В параграфе 1.3. «**Дуализм культуры**» представлена стратегия смены культурных парадигм, анализируется обоснованность исследования прозы В. Распутина в свете дуалистической концепции. А. Пелипенко рассматривает дуализм как основание развития культуры в целом, отмечает закономерность перехода от синкретизма к рефлексии как механизм развития, при этом рефлексия является результатом попытки самоидентификации, выделения себя из мира, т.е. предполагает нарушение единства (Пелипенко 2011). Для перехода к новому синкретизму необходимо снятие оппозиций. Подобный механизм исследуют Э. Нойманн, В. Паперный, Ю. Лотман, И. Смирнов. Самосознание культуры, конечно, является аналогом рефлексии, Ю. Лотман констатирует, что типы культуры могут совмещаться, что свидетельствует об образовании синкретизма (Лотман 1997). И. Смирнов аргументирует дуалистическое основание развития культуры тем, что каждый новый этап содержит набор конкурирующих логико-смысловых программ: «Дуализм открывает перед культурой возможность преобразовывать способ, которым сопрягаются поляризованные величины, потенцирует историю как смену отношений» (Смирнов 1991).

Механизм развития культуры следующий: дуализм – рефлексия – новый синкретизм (в основании которого – дуализм). Дуалистическая концепция может формировать семантическую карту не только культуры / национальной картины мира, но и художественного мира писателя. В прозе В. Распутина семантические пары, основа дуализма, включают в себя характерные для национальной картины мира или даже общечеловеческие («свой – чужой», «левый – правый», «христианство – язычество», «мужское – женское», «жизнь

– смерть», «архетипическое – индивидуальное») оппозиции, однако традиционные пары по-новому преломляются в его произведениях. Представляется, что осмысление дуализма – ключ к пониманию художественного мира, поэтики писателя.

Проза автора не статична, отражает культурные процессы, характерные как для эпохи в целом, так и для определенного литературного течения – традиционализма. Кроме того, переосмысление прежних ценностей и конструктов на уровне художественного текста отражает эволюцию мировоззрения писателя. Конец XX в. знаменует собой слом культурной парадигмы и, соответственно, порождает рефлексию.

Исследование дуализма как формулы художественного мировоззрения В. Распутина представляется продуктивным, поскольку позволяет рассмотреть приоритетность антиномичного или дуального мышления в разные периоды творчества автора. В. Распутин как один из ярких представителей традиционализма, обращенного к прошлому и рефлексивного по своей сути, в прозе реализует разные этапы существования дуалистической мысли: в ранних текстах находит свое отражение дуализм средневековья, сконцентрированный на бинарных оппозициях, в основе зрелой лежит синтез, берущий начало от диалектики Гегеля, но наследованный писателем через труды русских религиозных философов начала XX в. (неслучайно искания героев сопряжены с надеждой на выход в трансцендентное, неизменно связаны с религиозным началом), и, наконец, проза 1990-2000-х гг. запечатлела хаос окружающего мира, утрату ориентиров (дуальных!), поиск новых оснований, которые перестают быть универсальными, но сугубо индивидуальны для каждого персонажа, что знаменует собой преодоление бинарности.

Задача параграфа 1.4. **«Дуализм традиционалистской прозы: модель культурного развития»** – рассмотреть литературное направление «деревенская проза» через призму концепции смены культур, что позволит осознать способ сопряжения поляризованных величин, релевантный для традиционализма в целом и для прозы В. Распутина в частности. Одной из стратегий развития литературного направления является движение литературы от канонического текста к неканоническому через постепенное присвоение определенной литературой несвойственных ей изначально черт (каноническое становится неканоническим и наоборот; работы В. Шкловского, Ю. Тынянова, П. Бурдьё). Значимым является и чередование бинарных и тернарных моделей. Традиционализм формируется пересечением следующих бинарных оппозиций: «классическое – модернистское», «соцреализм – неофициальная литература», «низкая – высокая литературы». Сложность надстройки заключается в том, что многие её элементы сами структурированы как бинарные системы. Например, социалистический реализм определяется оппозицией «советское – несоветское». Расцвет традиционализма является следствием рефлексии на кризис соцреализма, преодолевает его через тернарную структуру (советское – несоветское – патриархальное), выражается как новый синкретизм.

В 1980-е гг. наступает кризис традиционализма, внутреннее развитие литературного течения начинается новый виток. Литературу 1980-х гг. К. Партэ относит к «постдеревенской прозе», включая в данный корпус, прежде всего, «Пожар» В. Распутина и «Плаху» Ч. Айтматова. Неотрадиционализм или «новый реализм», формирующийся в 2000-2010-е гг., суть новый синкретизм, преодолевший разрыв культур. В традиционалистской прозе можно отметить переход от бинарной системы к тернарной, но кризис направления, разумеется, актуализирует полярность и бинарность, «новый реализм» находится в процессе формирования синкретизма и снятия бинарных оппозиций.

В заключении первой главы сделан акцент на том, что в рамках данной работы под дуализмом понимаются все способы сопряжения поляризованных величин, синтез антиномий. Превалирование одного полюса над другим определяет этапы развития как литературного направления, так и художественного творчества отдельного писателя. Переход от более выраженной антиномичности к синтезу зачастую требует привлечения третьего, промежуточного звена, которое, в свою очередь, может являться одним из полюсов оппозиции следующего витка развития.

Вторая глава – «**Дуализм художественного мира В. Распутина**» – сосредоточена на мировоззренческих основах творчества писателя, рассматривает структурообразующие оппозиции: христианство и язычество, женское и мужское, жизнь и смерть, деревня и город, хронос и эон, архетипическое и индивидуальное.

В параграфе 2.1. «**Мировоззренческий дуализм прозы В. Распутина**» рассматривается оппозиция «христианство – язычество», при этом само христианство является дуалистичной религией: сакральное и мирское противопоставлены, однако через ритуалы (евхаристия, соборование) оппозиция снимается, возникает синтез. Сокровенные герои прозы автора, в чьем восприятии и реализуются мировоззренческие установки, являются людьми традиционного общества, для такого типа людей характерно особое восприятие времени и пространства, сакрализация природы, способность к выходу в метафизическое. В прозе художника оппозиция «священное – мирское» не снимается, напротив, является одной из наиболее оценочных.

Язычество в поэтике автора функционирует в неразрывном единстве с христианскими воззрениями, однако можно обозначить некоторые аспекты реализации обеих систем мировоззрения. Язычество проявляется как шаманизм (шаманка из рассказа «Эх, старуха», проводник в рассказе «От солнца до солнца»), как мифологизация природы (образ Хозяина в «Прощании с Матерой»), тетка Улита из одноименного рассказа и Агафья из рассказа «Изба» сравнивают себя с русалками, в последнем есть и упоминание домового), через связь с родом (разговоры с предками, прозрения на их могилах), которая в поэтике прозы В. Распутина неизбежно коррелирует с христианским началом, тем самым образуя сложный синтез, традиционно именуемый двоеверием.

Ортодоксальных проявлений христианства в творчестве В. Распутина не выявлено, художественные тексты воспринимают его косвенно, через посредничество русской религиозной философии начала XX в. и старообрядческие воззрения, однако отсылка к каноническим текстам встречается в публицистике, где автором прямо проговаривается христианоцентричность русской культуры. Образы «распутинских старух» ориентированы на иконописные традиции: истонченность, аскетичность, удлинённые лица. Герои повестей художника аллюзивно связаны с образами святых («богородичность», «софийность» женских образов, «георгиевский», «никольский» комплексы (концепция Н. В. Ковтун), сюжет, как правило, развивается в соответствии с логикой православной картины мира, неизменно присутствует христианская символика (в ранних текстах символ функционален, в поздних – сворачивается до знака).

Хронотоп произведений ориентирован на церковное времяисчисление – ключевые события произведений писателя происходят в преддверии великих праздников. Многие сюжетные линии развиваются в соответствии с логикой христианских праздников, все они так или иначе связаны со смертью и её преодолением, что является основой христианства. Воплощение праздничных моделей условно, поскольку текст не строится по их канону, однако представления о смерти, сформированные православной культурой, в том числе и через праздники (одно из первых действий, направленных на уничтожение язычества, замена праздников христианскими), нашли своё отражение в прозе писателя.

Модель Сретения воплощена в повести «Последний срок»: подготовка к переходу в инобытие связано с ожиданием старухой Анной дочери (встреча с ребенком необходима для упокоения). В произведении реализована и модель Успения: умирание старухи сопровождается погружением в сон. Возможность подготовиться к смерти дарована только праведникам: тетка Наталья («Деньги для Марии») и старуха Анна («Последний срок») предвидят свою смерть, договариваются с ней, что очевидно свидетельствует о синтезе христианской и языческой мировоззренческих систем.

Модель Вознесения релевантна для тех персонажей, жизнь которых соответствует агиографическому канону: старуха Анна («Последний срок»), старухи и сам остров Матёра («Прощание с Матёрой»). Примечательно, что вознесение и затопление символически уравниваются (например, утопление Настёны в повести «Живи и помни», судьба острова Матёра в «Прощании с Матёрой»).

В позднем творчестве совершается переход от Новозаветных истин к Ветхозаветным, актуализируется закон Талиона (возмездие). Исход / Воскресение невозможны в текстах 1990-х – 2000-х гг.: отсутствие Христа лишает и перспективы Воскресения. Христианство реализуется на уровне интенций в диалоге с языческими, природными моделями и кодами, что подтверждает дуализм творчества писателя.

В указанный период ярко проявится и умозрительная метафизика (Рыбальченко, 2007) как вариант трансформированной религии для героя-

интеллектуала. Поздние рассказы автора (особенно «автобиографические») во многом являются откликом на кризис «деревенской прозы», представляют собой рефлексию на патриархальные традиции, верования, устои.

В метафизическом пространстве, описанном в повестях В. Распутина, совмещаются языческий и христианский дискурсы, что знаменует образование синтеза. М. Элиаде осмысляет процесс снятия оппозиции «священное – мирское» как еретический и невозможный. Подчеркнем, в прозе В. Распутина оппозиция не снимается, она априорна, мировоззренческие установки релевантны только для героев, отражающих жизнь традиционного общества, но оппозиция различных религиозных мировоззрений: язычества, христианства – снимается. Признавая наличие языческих элементов, хотя и объясняя их поэтически, писатель создает принципиально новую мировоззренческую систему: логика христианства в тексте основывается на синтезе мировоззрений, выражается через природное начало.

В соотношении мировоззренческих установок, реализуемых и в прозе, и в публицистике писателя, дуализм превалирует над антиномичностью, поскольку в картине мира писателя противоречие не фиксируется, но снимается. Оппозиция «сакральное – профанное» развивается: если в ранней прозе профанное было вынесено за рамки текста, то в поздней – оппозиция остается антиномичной, инициирует новый выход и развитие. В рассказах 1990-х гг. основанием, позволяющим героям выжить, являются уже не вера и традиция, а внутренняя способность героев изменяться, не подчиняясь хаосу мира (Пашута из рассказа «В ту же землю», Агафья из рассказа «Изба» и т.д.). Обретенная в синкретизме христианского и языческого начал тернарность поляризуется в оппозицию «сакральное – профанное», которая не главенствовала в ранних и зрелых текстах.

В параграфе 2.2. «**Дуализм интеллектуально-психических доминант**» рассматривается гендерная оппозиция: женские и мужские социальные установки. Учеными (К. Юнг, В. Геодакян, Г. Ершова) и русскими религиозными философами (В. Соловьев, Н. Бердяев, Д. Мережковский, С. Булгаков, В. Иванов) выделяются следующие установки: мужскому началу соответствует поисковая активность, изменение признаков, акцент на настоящем, обособление, социализация, Анимус, ему соответствует левое полушарие головного мозга (вербальная информация, аналитическое мышление, последовательная обработка информации), для женского же начала характерны консерватизм, сохранение признаков, акцент на прошлом, единение, репродукция, Анима, ему соответствует правое полушарие головного мозга (невербальная информация, образное мышление, параллельная обработка информации). Если же рассматривать гендерные установки, характерные для прозы В. Распутина, можно заметить, что мужские установки на уровне эмблематики связаны с образом св. Георгия (женские – с Богородицей / Софией), на уровне мироустроительной роли – с воинственностью (женские – с милосердием), ориентированы на цивилизацию, роль их при этом разнится от исполнителей до разрушителей (женское начало связано с природой, её защитой), характерна рефлексивность,

перешедшая от женского к мужскому (женские образы отличаются импульсивностью, основанной на интуиции).

С определенной долей условности можно выделить следующие мужские типы: патриархальный мужской тип (подтип – богатырь) (Кузьма («Деньги для Марии»), Михаил («Последний срок»), Максим Вологжин и Михеич («Живи и помни»), и т.д.), герой-странник (подтип – трикстер) (Андрей и Павел («Прощание с Матёрой», Сеня Поздняков), юродивый, (Богодул («Прощание с Матёрой»), дядя Миша Хампо («Пожар») оборотень (Андрей Гуськов («Живи и помни»)), архаровец (Петруха и пожогщики («Прощание с Матёрой»), одноименные персонажи повести «Пожар»), герой с рефлексивным самосознанием (рассказы «Что передать вороне?», «Новая профессия», «Видение»). Типология основывается преимущественно на взаимодействии героя с родом / общиной и его способности выполнить предначертанную миссию.

Классификация женских образов опирается на следующие принципиальные категории: родовая память, выход в метафизическое, индивидуальный выбор, создаваемое / охраняемое пространство. Выделены следующие типы: патриархальный женский тип (тетка Наталья в повести «Деньги для Марии», старуха Анна в повести «Последний срок» и т.д.), насильно увезенные хранительницы (Аксинья Егоровна в рассказе «В ту же землю»), женщины-странницы (Сима в повести «Прощание с Матёрой»), женщины-архаровцы (Клавка Стригунова в повестях «Прощание с Матёрой» и «Пожар»), женщины-устроительницы (Пашута из рассказа «В ту же землю», Агафья в рассказе «Изба»), отчужденные от рода и горожанки (Людмила в «Последнем сроке», Соня и Мила в «Прощании с Матёрой» и т.д.), женщины-мстительницы (Тамара Ивановна в повести «Дочь Ивана, мать Ивана»).

В завершение анализа гендерной парадигмы уделяется особое внимание тому факту, что во всех мужских типах присутствуют женские установки. В положительных героях женского намного больше, чем в отрицательных, что свидетельствует о гендерном дуализме образов (герои с рефлексивным самосознанием из рассказов «Что передать вороне?», «Новая профессия» и т. д.). Акцентируется, что в положительных героях женское проявляется в установках, а в отрицательных – в облике (внешняя красота мужчин, манерность речи маркированы негативно).

В позднем творчестве писателя образы предельно дуалистичны, смещаются психофизические характеристики деятельности, мужские установки присваиваются женскими образами, а сами мужчины оказываются неспособными на поступок, отвергаются новым космосом, воздвигнутым силой духа. Мужские патриархальные типы оказываются не жизнеспособны: герои или умирают, или перерождаются в иные, маргинальные характеры, не реализуя установок, характерных для мужского гендера (Стас из рассказа «В ту же землю», Анатолий из повести «Дочь Ивана, мать Ивана»). В поздней прозе мужчинам свойственна рефлексия (сугубо женская категория), но отвергается деятельное, поисковое начало. Отчасти смещение гендерных

доминант может объясняться кризисной ситуацией, хаосом и безумием внешнего мира.

Развитие женских образов происходит по аналогичной схеме: патриархальный тип, в котором превалируют исконно женские установки на объединение, связь с родом, следование памяти, следование традиции, постепенно становится нежизнеспособен: старухи-праведницы в текстах писателя находятся в состоянии перехода в инобытие, женщины оказываются перед выбором между индивидуальной судьбой и архетипическими нормами, что характеризуется конфликтом между исполнением женских ролей, коллизия оборачивается трагедией (образ Настены из повести «Живи и помни»).

Женщины, выбравшие следование традиции в изменяющемся мире, вынуждены создавать новый обряд, пространство и традицию самостоятельно, что в итоге выводит их из парадигмы гендера. Важной особенностью эволюции женских образов является упразднение женских характеристик, которые ничем не замещаются, и, соответственно, появляются пустые образы горожанок, не способных выполнять ни одну функцию. В позднем творчестве в женских образах проявляются мужские установки, происходит гендерное смещение: жена берет на себя функции поисковой активности, защиты и даже мести, в то время как муж наделяется способностью к рефлексии. Таковы Пашута из рассказа «В ту же землю», Агафья из рассказа «Изба», Тамара Ивановна в повести «Дочь Ивана, мать Ивана». Автобиографические герои даже получают способность к выходу в метафизическое – исконно закрепленную за женщиной. Смещение психофизиологических характеристик происходит в ситуации эсхатологии, потери ориентиров и выполняет мироустроительную функцию. Гендерный дуализм интересен нам как взаимопроникновение мужских и женских установок.

Наиболее значимая онтологическая оппозиция рассмотрена в параграфе 2.3. **«Дуализм жизни и смерти»**. Комплекс мортальных мотивов ориентирован на осмысление смерти как выхода в метафизическое. В рамках параграфа рассматривается связь с онейросферой, мотивы проводника, творения нового пространства, замыкания смерти, настигшей воды, заклания себя ради спасения духа (Настёна гибнет физически, чтобы воскреснуть духовно). Обозначенные мотивы являются отображением смерти реальной, случившейся в экзегезисе, однако смерть является не только итогом жизни, но и способом посмертного бытования. Исполненность прижизненной судьбы является значимой в контексте возможности смерти-перехода.

Жизнь в прозе В. Распутина также имеет два основных значения: жизнь как череда событий и жизнь внутренняя, которая и является подготовкой к смерти. Расхождение сроков жизни физической и ментальной особенно характерно для поздней прозы. Посмертное бытование, по В. Распутину, не менее реально, чем прижизненное, его определяет именно физическое бытие. Смерть становится наиболее важным моментом жизни, воспринимаемой как непрерывный цикл. Изменение бытия влечет за собой трансформацию погребального обряда, что в свою очередь заставляет искать иную модель

сущего. Снятие оппозиции жизнь-смерть происходит в особом пространстве – в вечности. Это пространство может быть закреплено географически (остров Матёра, изба Агафьи) или формироваться границами сознания и статусом визионера.

Оппозиция «деревня – город» является принципиальной для всей «деревенской прозы», реализации оппозиции в творчестве В. Распутина посвящен параграф 2.4. «**Дуализм хронотопа: “деревня – город”**». В произведениях 1960 – 1970-х гг. действие неизменно происходит в пространстве деревни, город воспринимался как чуждое, опасное пространство. В прозе 1980-х – 2000-х гг. образ деревни двойится. Утопическими чертами наделяется деревня прошлого или – иначе – «до затопления», это пространство коррелирует с образом Рая, Небесного Иерусалима, глада Китежа, описывается как плодородное, благодатное место, населенное людьми с патриархальными ценностями, ориентированными на соборность (Ковтун 2009). Современная деревня или поселок, в которых непосредственно происходит действие, утратили былые ориентиры, это пространство хаоса. В рассказе «В ту же землю» фиксируется отделенность деревни от государства, деревня не принадлежит внешнему законопорядку, но подчиняется надмирным законам, связана с природным, архетипическим началом, отделена от производства и торговли.

В поздних текстах В. Распутина оппозиция «деревня – город» усложняется, деревня / поселок вбирает в себя черты города, райцентр перестает быть пограничным пространством, уравнивается с городом. Переезд в город / райцентр является вынужденной мерой, неизбежно влечет за собой смерть. В «Пожаре» действие происходит в поселке, который имеет основные признаки города – разобщенность, опасность, герои-архаровцы, работа, несвязанная с землей, утрата связи с родом.

Пространство в произведениях В. Распутина коррелирует с сюжетом, повторяющиеся атрибуты трансформируются в позднем творчестве, обретая новый смысл. Если в ранних текстах деревня и город сосуществуют параллельно, оттеняют друг друга, то в поздних произведениях отчетливо прописывается антиномия. Город вытесняет, изживает деревню, патриархальный уклад становится не релевантен, человек меняет саму природу. В раннем творчестве в антиномии «деревня – город» доминировал левый полюс, в позднем – смещение происходит в сторону правого полюса, при этом смысловая наполненность полюсов остается неизменной: город явлен как маргинальное, опасное пространство.

Временные категории рассмотрены в параграфе 2.5. «**Дуализм хроноса и зона**». В прозе В. Распутина предельно значимой предстает оппозиция «традиция – прогресс», которая выражается в разнонаправленности из точки настоящего – к прошлому и будущему соответственно. Для трансляции временных категорий выбираются и разные герои: старухи, ориентированные на сохранение прошлого в настоящем, и «архаровцы», строители ГЭС, уничтожающие настоящее и оправдывающие это стремлением к будущему.

Циклическое время характерно для патриархального уклада: церковные праздники задают временные координаты в текстах писателя, ключевые события произведений происходят в преддверии двенадцатых праздников.

Прерывание времени цикличного – Хроноса – актуализирует выход в Эон, вечность. Примечательно, что для В. Распутина вечность является синонимом цикличности, именно воспроизводимость цикла, непрерывность жизни дают перспективы бесконечного возрождения. На материнское кладбище привозят «на вековечность», пространство острова, принимая мертвых, ориентировано на выход в вечность, но и старуха Анна верит в возобновление жизни, поскольку после смерти «наступит утро». Выход в вечность осуществляется не только в заповедном пространстве, но и открывается в момент перехода, сопровождает пронизываемость бытия и небытия, линейное время заменяется и / или дополняется эоном, вечностью. В названии повести «Последний срок» уже содержится указанный аспект: линейное, биографическое время заканчивается, за ним следует вечность – срок ожидания вышел, время звать смерть.

Эсхатологическое время знаменует конец времени. Уравнивание эсхатологического времени с циклическим через време вечность объясняется специфическим пониманием циклического времени, которое демонстрирует автор. Соответственно, и циклическое, и эсхатологическое (после-времени) времена характеризуются как вечность и вневременье, однако, акценты эсхатологического времени принципиально отличаются от циклического.

На наш взгляд, соотношение хроноса и эона в прозе В. Распутина образуют тернарную структуру: цикличное – «другое» время – эсхатологическое время, что знаменует снятие оппозиций и взаимодействие всех видов. Значимо то, что линейным представляется исключительно «другое» время, а цикличное и эсхатологическое воплощают Эон, хотя и с разными акцентами: цикличное время предполагает вечное возобновление жизни, эсхатологическое – отсутствие времени как такового.

В рамках параграфа 2.6. мы сосредоточимся на **дуализме архетипического и индивидуального** как личного исполнения / интерпретации должного. В прозе В. Распутина архетипическое выражается прежде всего на уровне метафизического, в ситуации выхода в запредельное. «Общий» образ воспроизводится в личностном сознании и, соответственно, приращивает субъективные смыслы, сохраняя, однако, первоначальную структуру и содержание. Значимым представляется сформулировать разные типы индивидуализма, характерные для мировоззренческой системы писателя:

1. Отказ от исполнения миссии, своей судьбы, индивидуальный выбор как отчуждение от сакрального (по И. Плехановой, эгоизм).

2. Самоосознание личности как части витального цикла, которое, в свою очередь, условно подразделяется на:

- 2.1. Крестьянское самосознание;

- 2.2. Интеллектуальное самосознание.

Фиксируется восемь точек взаимопроникновения индивидуального и архетипического начал: топос, сакральные места, исполнение предначертанного и следование архаическому укладу, архетип живой воды, приобщение к чувствительности как к средоточию природного начала в человеке, сновидения, исполнение обряда (взаимодействие личной памяти и прапамяти), рефлексия индивидуального интеллектуального сознания.

Для прозы писателя характерен дуализм архетипического и индивидуального, они развиваются в диалоге и невозможны друг без друга. Следует отметить, что архетипическое является более ценным в мировоззрении автора, именно с ним связаны религиозные, национальные коды. Топосы архетипического являются атрибутами выхода в запредельное, что особенно значимо в поэтике писателя. Индивидуальное начало может как способствовать проявлению архетипического (сознательное усилие визионера), так и препятствовать ему (эгоизм отчуждает от корней и, соответственно, лишает соприкосновения с архетипическим). Дуализм архетипического и индивидуального возможен только в сакральном пространстве и для героев, сохранивших связь с родом, способных к выходу в запредельное. Маргинальные герои в профанном пространстве преобразуют дуализм в антиномии.

Таким образом, в **заключение второй главы** делается следующий вывод: на разных этапах творчества В. Распутина превалирует то антиномичное, то дуальное мышление, что свидетельствует об эволюции художественной картины мира писателя. Дуализм предстает как снятие противоречия, что знаменует формирование нового синтеза. При этом, дуализм как форма сопряжения поляризованных величин срабатывает не всегда. Автору свойственно и категоричное разведение полюсов, сохранение антиномии, особенно ярко это проявляется при анализе пространственных оппозиций. Анализ же онтологических оппозиций демонстрирует тяготение писателя к синтезу или всеединству, совмещение противоположного как непротиворечивого, но дополняющего.

В третьей главе **«Дуализм как принцип сюжетостроения прозы В. Распутина»** представлена реализация дуализма через анализ повторяющихся мотивов, многие из которых проходят через всё творчество и создают художественный мир автора. Очевидно, что в самом понятии мотива заложена интенция повторения, в работе исследуется не рефренное повторение, но синтагматическое, позволяющее создавать новые образы и формирующее иное разрешение сюжетных линий.

Параграф 3.1. **«Мотив ухода на войну и возвращения воина»** рассматривает репрезентацию мотива на разных этапах творчества писателя. Война в произведениях В. Распутина описана как особый хронотоп, но фактически сами батальные сцены вынесены из плана повествования, возникают исключительно контекстуально, война осмысливается как переход из традиционного пространства, организованного циклом сельскохозяйственных трудов, в инопространство, однако целью выхода является исполнение сакральной миссии охранения земли и рода. Тем не менее, возвращение воина

символически дублирует похоронный обряд, осуществляется через включение мнимо «чужого» в родовой круг. Немаловажно, что обряд включения может остаться незавершённым. Повторение данного мотива основано на оппозициях «свое – чужое», «жизнь – смерть». И если в ранних текстах оппозиция становится антиномией – чужое пространство маркировано смертью, а возвращение в своё, родовое знаменует жизнь, то в поздней прозе жизнь и смерть уравниваются, образуют синтез.

Мотив строительства ГЭС является частным случаем осмысления цивилизационных преобразований, ведущих к онтологической катастрофе. В параграфе 3.2. **«Строительство ГЭС и затопление деревни как лейтмотив прозы В. Распутина»** мотив анализируется как наиболее репрезентативный для прозы писателя. Победа цивилизации над природой актуализирует мотив мертвой воды и опустошения, убывания жизни. Подчинение природного, стихийного начала рациональному осмысляется как исчезновение связи с тайной мира, по сути, лишение чувствительности, способности преодолевать границы бытия. Мотив затопления актуализирует оппозиции «старое – новое», «традиция – прогресс», «жизнь – смерть». В ранней прозе оппозиции предельно поляризованы, но уже в «Прощании с Матёрой» их соотношение зависит от точки зрения героя. Так для старух антиномичность сохраняется, в то время как для молодых героев – снимается, хотя в синкретизме и превалирует правая часть оппозиции.

Мотив переселения, рассмотренный в параграфе 3.3, логично продолжает мотив затопления деревень, однако сам по себе он шире: у переселения могут быть иные причины. Для патриархальных героев смена пространства, оставление родового и освоение нового, чужого – всегда следствие беды, катастрофы. В данном параграфе в фокусе внимания будут не перемещения отдельной личности, но переселение народа, общины, деревни. Уже в очерке «Вниз и вверх по течению» переселение деревни связано с затоплением и предстает катастрофой. Люди теряют онтологические ориентиры, ими «овладевал неудержимый и яростный азарт разрушения, который не остывал до тех пор, пока было что ломать» (Распутин 2007: 236). Сам переезд связан с пожарами: горят леса, которые не успевают убрать. Постройки сплавляют по воде, что актуализирует языческие похоронные традиции, символику усиливает вой собак, – оставляемое пространство погружается в хаос. Переселение приравнивается к войне, т.е. к смене миропорядка с циклического на историческое, линейное, и, соответственно, опасное, лишённое перспективы вечности.

В описании переселения постепенно смещаются акценты: от переезда всем миром («Вниз и вверх по течению», «Прощание с Матёрой», «Пожар») – к переезду одинокой женщины («Изба»), от детального рассмотрения подготовки к переезду – к сосредоточенности на бытии после него. Мотив переселения основан на оппозициях «свое – чужое», «жизнь – смерть», отчасти в нем воплощены и оппозиции «означаемое – означающее», «добро – зло». Традиционно полярные пары «свое – чужое», «добро – зло» в поздних текстах через мотив переселения образуют синкретизм, а стремящиеся к

слиянию «жизнь – смерть», «означаемое – означающее», напротив, образуют полярность с тяготением к правому полюсу.

Параграф 3.4. «**Мотив инициации**» посвящен обряду посвящения. Выделяются обряды, связанные с взрослением, с включением чужака в сообщество и с обретением духовного статуса (шамана) (М. Элиаде). Обряды инициации лежат в области архаических практик, включение в сообщество возможно только через приобщение к архетипическому началу, символическую смерть отдельного человека (индивида) и его рождение к новой жизни как носителя определенного типа сознания, предопределенного сообществом.

Для прозы писателя наиболее характерна инициация, знаменующая становление ребенка как полноценного члена общины. Инициация детей (до 7 лет) сопровождается обретением связи с природным началом: происходит при столкновении со смертью или стихией. Инициация подростков-девочек либо не случается вовсе, либо происходит по воле извне, что не дает обрести новый статус и принять женскую сущность. Инициация мальчиков представлена вариативно, однако в поздней прозе юноши также не способны преобразиться во взрослых. Обряд предполагает становление традиционного, патриархального героя, появление которого в кризисный период невозможно, поскольку сам тип обречен, не жизнеспособен.

Инициация как один из важнейших обрядов традиционного общества отражает его ментальные основы, формирует образ полноценного члена общины. В прозе В. Распутина повторяющийся мотив инициации показывает разрушение единства означаемого и означающего: формальные условия могут быть соблюдены, но при отсутствии содержания качественное изменение невозможно, незавершенный обряд также не способствует обретению индивидом нового статуса.

Для поздней прозы особенно характерно, что подростки не проходят инициацию. Обряд предполагает становление традиционного, т. е. в контексте прозы В. Распутина патриархального героя, появление которого в кризисный период невозможно, поскольку сам тип обречен, не жизнеспособен, отказывается действовать или же его деятельность уже не способна дать результат, лишь изнашивает его самого. На смену патриархальному герою приходят маргиналы, пожогщики, архаровцы, люди, утратившие свою судьбу, сами превратившиеся в разрушителей (в их судьбе реализуются оба сюжета разрушения заповедного пространства: они находятся вне его пределов, отчуждены от рода и способны уничтожать, будучи чужаками).

В параграфе 3.5. «**Мотив насилия**» рассматривается трансформация мотива, заявленного в повести «Последний срок» и развернутого в повести «Дочь Ивана, мать Ивана». Мотив насилия, представленный в повестях, реализован, по сути, противоположным образом. В «Последнем сроке» насилия не происходит, оборонить девочку оказывается способен брат, обращение к людям – крик – оказывается достаточной защитой. В пространстве патриархальной деревни соборность и единение предотвращают беду, эпизод является проходным, действие сосредоточено на умирании

старухи Анны. Данное решение весьма характерно для ранней и зрелой прозы писателя – в родовом пространстве беда невозможна, разве что будет разрушено само пространство (затоплена, перенесена деревня).

В поздней прозе место действия переносится в город, что принципиально невозможно для прежнего В. Распутина. В повести «Дочь Ивана, мать Ивана» насилие становится основой сюжетной коллизии, но речь не только о насильнике-кавказце, сама Тамара Ивановна, верша правосудие, продолжает насилие, таким образом, преумножая зло. Насильник – хотя в нем и подчеркнут национальный аспект – порождение самого пространства города, торгашества. За девочку не способны постоять ни брат, ни отец, но и мать может лишь отомстить – уже не сберечь.

Таким образом, в позднем творчестве мировоззрение писателя существенно изменяется: патриархальные устои разрушены, новые – не обретены, пространство города явлено маргинальным и опасным, но и деревенский дом Ивана Савельевича не способен уберечь от беды: его сын Николай уходит в лес и пропадает без вести. Обретение способности на поступок связано с изживанием прежнего в себе, символической смертью, что реализовано в рассказах «Изба», «В ту же землю».

В заключении третьей главы подчеркнута значимость повторяющихся сюжетов для анализа поэтики В. Распутина, поскольку они позволяют выявить релевантные для писателя категории, отследить изменения, происходящие в авторском мировоззрении. Стремление к синтезу, единству фиксируется на всех этапах творчества, однако в плане повествования реализуется не всегда: в поздней прозе сочетаются как антиномии, так и совмещение противоположного. Претворение противоположностей в единство – одна из онтологических основ прозы В. Распутина, именно всеединство, слитность разрозненных аспектов бытия открывает героям возможность самостояния, выход в неназываемое. Трагизм поздней прозы писателя в том, что возможность приобщения к чувствительности как форме слияния со всебытием, изначально данной патриархальным героям, утрачена человечеством, теперь путь ко всеединству требует перерождения, т.е., по сути, проходит через расщепление на антиномии. Творение нового единства – творческий акт, тот самый третий, промежуточный элемент, преодолевающий бинарную структуру (наследованный писателем от русских философов начала XX в.). Устроительство, однако, требует не только внутреннего усилия, но и преодоления опыта проживания разрыва, утраты. В публицистике этого периода проговаривается именно кризис и разрыв, но в художественной прозе в центре произведений находятся герои, способные на устроительство, что дает перспективу движения ко всеединству.

В заключении подводятся итоги и формулируются выводы исследования.

Дуализм позволяет выявить трансформации отношений внутри значимых семантических пар на разных этапах развития творческой мысли писателя. При этом для автора характерен поиск промежуточного, третьего элемента – синтеза.

Наследуя идею всеединства от русских религиозных философов начала XX в., В. Распутин воспринимает это понятие двояко: как вбирающее (синтез), так и отчуждающее (полярность). На разных этапах творчества писателя бинарные оппозиции могут трансформироваться в антиномии или образовывать синкретизм. Антитезы представляют собой пары с выраженным и акцентированным противоречием, дуализм представляет собой способ сопряжения поляризованных величин, по сути, срабатывает принцип дополнительности – происходит снятие оппозиции, при котором элементы противопоставления предстают как набор дополнительных признаков, расширяющий новое образование. Взаимодействие понятий дуализм – синтез – всеединство представляется менее однозначным. Отчасти они синонимичны, но функционируют на разных основаниях: дуализм – способ, всеединство – состояние, достижимое посредством дуализма или же осознаваемое через него, синтез – синоним вбирающего всеединства, одного из аспектов состояния. Все эти понятия, так или иначе, отталкиваются от бинарных оппозиций, но преобразуют их в целое, снимая внутреннюю противоречивость.

Приоритетность антиномичного или дуального мышления в разные периоды творчества отображает развитие художественного мира автора, акцентирует установки, наиболее значимые на данном этапе

На основании анализа ряда семантических пар и исследования их реализации через повторяющиеся мотивы прозы В. Распутина сделан вывод, что раннее творчество автора отмечено антиномичностью всех семантических пар, но доминирует левый полюс. Деревня и город предельно противопоставлены, но город в плане повествования отсутствует («Деньги для Марии»).

Классические тексты писателя: «Последний срок», «Живи и помни» формируют условный «тезис» (в триаде Гегеля). Этот период задает ориентиры мировоззрения писателя, формирует систему координат. Так в повестях развернут религиозный дуализм: старуха Анна, ожидая смерть, опирается преимущественно на народные верования, однако само её умирание выписано с ориентацией на иконописные образы, соотносится с софийными стихиями. С точки зрения гендерной парадигмы в текстах функционируют патриархальные герои – как женские, так и мужские, отступление от патриархального канона маркируется как грех или опасность. Смещение гендерных установок проявлено минимально. Жизнь и смерть в классической прозе В. Распутина стремятся к синкретизму: смерть рассматривается как кульминация жизни, бытие предопределяет смерть, смерть же воспринимается как этап бытия, причем её образ формируется мерой исполненности судьбы.

Повесть «Прощание с Матёрой» открывает этап «антитезиса» (рефлексии), который продолжится вплоть до рассказов 1990-х гг. Характерной чертой этапа становится плюрализм и равновесность полюсов, идет поиск способа сопряжения поляризованных величин. Усиливается слияние мировоззренческих установок: церковь и мировое древо в повести дублируют друг друга, географически зеркальны, но происходит некоторое

смещение в сторону природного, языческого начала: на Троицу дары несут к лиственню.

Решение гендерной оппозиции представлено вариативно: присутствуют патриархальные образы с классическим набором установок, но появляются и различные трансформации: тип женщины-странника, женщины-архаровца. Дуализм жизни и смерти, синкретизм, заявленный в классических текстах, расслаивается: лейтмотивом произведений становится расхождение сроков земного бытования с внутренней жизнью. Более того, сама жизнь воспринимается героями противоречиво – как исполнение долга и труд на пользу и как комфортное существование, необременённое ответственностью. Данное понимание органично накладывается на дуализм деревни и города, антиномичность которых также усилена в повестях «Прощание с Матерой», «Пожар». Примечательно, что представлен плюрализм восприятия жизни в деревне и городе: помимо полярных позиций патриархальных героев и архаровцев появляются герои-медиаторы, которые видят преимущества и того, и другого способа бытия.

В рассказах 1990-х гг. осуществляется поиск новых оснований, поскольку прежние ориентиры утрачены, идеалы последовательно развенчиваются в повестях «Прощание с Матёрой», «Пожар». Рассказы 1990-х и повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» – суть поиск синтеза, выстроенного в новой системе координат. В этот период акценты смещаются: дуализм приобретает форму сосуществования разных систем ценностей. Мировоззренческий дуализм, опираясь на синкретизм христианства и язычества, переходит в антиномию «сакральное – профанное», которая в ранних текстах решалась доминированием левого полюса. Гендерный дуализм к синкретизму не приходит – это смена полюсов, что соответствует традиционной дуальной модели русской культуры – верх и низ меняются местами, не образуя срединного пространства. Оппозиция жизнь и смерть в позднем творчестве снимается окончательно: жизнь и смерть суть единое целое, их синкретизм закреплён в границах особого пространства – ментального (онейросфера, состояние перехода) или географического (новое кладбище в рассказе «В ту же землю», двор Агафьи в рассказе «Изба»).

Архетипическое и индивидуальное составляют синкретизм: индивидуальное является этапом приобщения к архетипическому, в позднем творчестве необходимо приложить волевое духовное усилие, чтобы приобщиться к чувствилищу. Если патриархальным героям способность к визионерству дана априорно, то для героев, живущих в пространстве, лишённом ориентиров, по законам исторического или линейного времени, возможен только индивидуальный путь обретения связи с природным началом. Таким образом, преобразование дуализма в синкретизм или антиномии не только фиксирует разные этапы эволюции творческой мысли автора, но и демонстрирует изменение мировоззренческих установок.

Творчество В. Распутина включено в более широкий контекст развития и самоосознания традиционалистской прозы, однако не во всем хронологически с ней совпадает. Классические произведения писателя, ориентированные на

каноническую «деревенскую прозу», создаются в 1970-е гг., которые являются началом авторефлексии всего направления, однако «Прощание с Матёрой», по признанию исследователей и самих писателей, знаменует кризис направления, соответственно, развитие творческой мысли В. Распутина и эволюционирование направления синхронизируются. Если для «деревенской прозы» кризис означает начало нового этапа (влияние постмодернизма как главенствующего литературного направления означенного периода, модернизации, переход к «новому реализму»), то для В. Распутина – это период рефлексии, разочарования в прежних ориентирах. 1990-2000-е гг. – время формирования «нового реализма», для писателя это период поиска иного пути сохранения или воссоздания прежних ценностей, т.е. возвращение к докризисному состоянию, но уже на иных основаниях.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, включенных в перечень рецензируемых научных журналов

1. Stepanova, V. The poetics of interpretative ephrasis in Valentin Rasputin's story "Izba" / V. Stepanova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences [Текст]. – 2014. – № 7 (5). – P. 790-798. (0,5 п. л.)
2. Ковтун, Н. В., Степанова, В. А. Погребальный обряд в поздней прозе В. Распутина / Н. В. Ковтун, В. А. Степанова // Вестник Кемеровского государственного университета [Текст]. – 2015. – Вып. 2 (62). – Т. 4. – С. 144-152. (1 п. л.)
3. Stepanova, V. Models of Christian Feasts as a Plot-Constructing Topos of V. Rasputin's prose / V. Stepanova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences [Текст]. – 2015. – № 8. – P. 1451-1459. (0,7 п. л.)
4. Степанова, В. А. Трансформация мортальных мотивов в поздней прозе В. Распутина / В. А. Степанова // Сибирский филологический журнал [Текст]. – 2016. – № 1. – С. 77-84. (0,6 п. л.)
5. Stepanova, V. The Violence Plot as a Reflection of the V. Rasputin Transformed Worldview: novels "The Last term", "Ivan's Daughter, Ivan's Mother" / V. Stepanova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences [Текст]. – 2016. – № 9. – P. 1148-1154. (0,6 п. л.)

Разделы коллективных монографий

6. Степанова, В. А. Обряд и ритуал в позднем творчестве В. Распутина (на материале рассказа "В ту же землю") / В. А. Степанова // Творчество Валентина Распутина: ответы и вопросы: монография / Под ред. И. И. Плехановой [Текст]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – С. 276 – 287. (0,7 п. л.)
7. Степанова, В. А. Мировоззренческий дуализм прозы В. Распутина / В. А. Степанова // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX-XXI веков / отв. ред. Н. В. Ковтун

[Текст]. – Серия «Универсалии культуры». – Вып. VI: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – С. 313-327. (0,7 п. л.)

8. Степанова, В. А. Хронотоп прозы В. Распутина / В. А. Степанова // Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия / отв. ред. Н. В. Ковтун [Текст]. – Серия «Универсалии культуры». – Вып. VII: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – С. 160-178. (1,1 п. л.)

Статьи в других изданиях

9. Ковтун, Н. В., Степанова, В. А. Проблема гендерной идентификации мужских образов в творчестве В. Распутина: дуализм психически-интеллектуальных доминант / Н. В. Ковтун, В. А. Степанова // Филологический класс [Текст]. – 2014. – №2 (36). – С. 7-14. (1 п. л.)

10. Степанова, В. А. Дуализм архетипического и индивидуального в прозе В. Распутина / В. А. Степанова // Творческая личность Валентина Распутина: живопись – чувство – мысль – воображение – откровение / Под ред. И. И. Плехановой [Текст]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – С. 363 – 374. (0,7 п. л.)

11. Степанова, В. А. Мировоззренческий дуализм в повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» / В. А. Степанова // Siberia_Lingua: научный журнал [Текст]. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. – № 2. – С. 132-140. (0,5 п. л.)

12. Степанова, В. А. Dualism of religious systems in V. Rasputin's prose / В. А. Степанова // Молодежь и наука: сборник материалов международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектив-2015» [Электронный ресурс]. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. (0,2 п. л.)

13. Степанова, В. А. Поэтика топозкфрасиса в повести В. Распутина «Прощание с Матёрой» / В. А. Степанова // Молодежь и наука: сборник материалов X Юбилейной Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 80-летию образования Красноярского края [Электронный ресурс]. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. (0,2 п. л.)

14. Степанова, В. А. Поэтика экфрасиса в повести В.Г. Распутина «Живи и помни» / В. А. Степанова // Siberia_Lingua: научный журнал [Текст]. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2013. – №2. – С. 167–176. (0,6 п. л.)

15. Степанова, В. А. Онейрическое пространство в повести В. Распутина «Последний срок» / В. А. Степанова // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2013. (0,1 п. л.)

16. Степанова, В. А. Трансформация агиографического топоса в повести В. Распутина «Живи и помни» / В. А. Степанова // Искусство глазами молодых: материалы IV Международной (VIII Всероссийской) научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых [Текст]. –Красноярск:

Красноярская государственная академия музыки и театра, 2013. – С. 256-259. (0,2 п. л.)

17. Степанова, В. А. Поэтика софийности в повести В.Г. Распутина «Последний срок» / В. А. Степанова // «Диалог культур в аспекте языка и текста-2012»: Материалы международной научно-практической конференции молодых исследователей, Красноярск, 16-17 апреля 2012 г. / отв. ред. О.В. Фельде [Текст]. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. – С. 169-172. (0,2 п. л.)

18. Степанова, В. А. Поэтика религиозного экфрасиса в повести В. Г. Распутина «Последний срок» / В. А. Степанова // «Язык и социальная динамика»: материалы Всерос. науч-практ. конф. с междунар. участием (24 мая 2012 г., Красноярск): в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. А. В. Михайлов, С. В. Волынкина [Текст]. – Красноярск: Сибирский государственный аэрокосмический университет, 2012. – С. 176-181. (0,3 п. л.)

19. Степанова, В. А. Религиозный экфрасис в повести В.Г. Распутина «Живи и помни» / В. А. Степанова // «Молодежь и наука»: сборник материалов VIII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 155-летию со дня рождения К.Э.Циолковского [Электронный ресурс] / отв. ред. О.А.Краев/ – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. (0, 2 п. л.)

20. Степанова В.А. Поэтика негативной агиографии в повести В. Г. Распутина «Живи и помни» / В. А. Степанова // Материалы 50-й Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Литературоведение [Текст]. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет., 2012. – С. 65-67. (0,1 п. л.)